

А. М. Верилк

О ГЛЕБЕ ПАВЛОВИЧЕ АКИЛОВЕ

Глеб Павлович Акилов уехал из Ленинграда в 1964 году, с тех пор мы виделись считанное число раз. Однако для меня его облик столь рельефен, интонации голоса (ленинградские, даже точнее - матмеховские) столь слышны, что часто кажется, мы виделись недавно. Я думаю, что это связано с одной чертой - он в некотором смысле мало менялся и был по сути дела одним и тем же в разные и совсем непохожие друг на друга времена нашей жизни, а именно - самим собой.

Главное его свойство, возьму на себя смелость утверждать, - это интеллектуальное бесстрашие, независимость суждений и мнений. Сейчас все бесстрашно и нет недостатка в сногсшибательных ниспровержениях. Но сказать в 1955 или 1956 году, хоть и узкой группе своих молодых собеседников на прогулке, что все "безобразия" начались с января 1918 года - с разгона большевиками Учредительного собрания - и что именно тогда стало ясно, куда они ведут дело, могли очень немногие². В многочисленных разговорах об окружающей жизни, истории, ученых, которые вел Г.П. (а он очень любил неторопливо, останавливаясь подробно на, быть может, малозначительных эпизодах, рассказывать обо многом), становилось ясно, что его политические и человеческие оценки сложились еще в

² Насколько Глеб Павлович был прав, ясно не только из ставшей известной нам позже эмигрантской и самиздатской литературы, но и из совсем удивительных свидетельств из первых рук: "Век XX и мир", № 2, 1990.

студенческие годы, что он "все" понял давно и что они не менялись в существенном позже. Он был всегда чужд общественного энтузиазма, хотя по натуре был увлекающимся человеком. Более того, он строго судил коллег, включая и тех, кого он высоко ценил как ученых, за соглашательские, по его мнению, действия или компромиссы с властями. Может быть, поэтому пути со многими его друзьями разошлись. Возможно, в этом сказывался его ригоризм и даже негибкость, но что в нем полностью отсутствовало - это озлобленность, он был добр и судил людей так, как это делает старший с детьми: скорее несколько свысока, с некоторой беспощадностью, но без мстительности. И чаще всего он бывал в конце концов прав.

История послевоенного мат-меха ЛГУ, вернее, мат-меха после 50-х - это история его угасания. Видимо, не могло быть иначе, так как ситуацией прочно овладели посредственные ученые, руководители, подчинившие себя и факультет воле вышестоящих партийных и иных администраторов и потому растерявших весь довольно значительный научный потенциал факультета 30 - 50-х гг. Потеря Г.П. - одно из звеньев этой истории. Конечно, отъезды в Новосибирск, Москву, Нью-Йорк имели и иные причины. Да и вообще, все происшедшее на мат-мехе столь типично для университетов, заводов, больниц и страны в целом, что отделить общие причины от локальных трудно. Г.П. понимал, что все же в присутствии научных звезд первой величины и некоторого числа поддерживающих их мат-мех мог бы противостоять напору чиновничества, посредственности, но в создавшихся условиях это было исключено и поэтому он уговаривал многих друзей уехать в Новосибирск, с которым он связывал надежды. Оправдались ли они - не знаю, подозреваю, что не вполне... Но в тот момент его отношения с ленинградскими матмеховскими властями, а они, как известно, знают все - и настроения, и разговоры, - очень обострились. Он уже был вынужден уехать.

Его роль на мат-мехе, может быть, была не очень заметна, но очень существенна. И тут надо сказать несколько слов о его математических вкусах. С одной стороны, он был видным представителем ленинградской школы функционального анализа, складывавшейся в 30-х гг. под руководством Г.М.Фихтенгольца, В.И.Смирнова,

Л.В.Канторовича (при некотором влиянии московской и украинской школ), для которой характерно начальное влияние, с одной стороны, теории функций вещественной переменной, теории приближений, а позже - математической физики, вычислительных методов. Все эти и другие ветви анализа цементировались общей теорией банаховых пространств, теорией операторов в гильбертовом пространстве. Популярность функционального анализа в СССР в предвоенные и послевоенные годы видна уже из того, что в стране сформировались 3-4 очень влиятельных школы, каждая со своей спецификой и международным авторитетом. Для ленинградской школы, кроме преимущественных связей с упомянутыми выше областями анализа, был характерен интерес к плодотворным идеям, выдвинутым и развитым Л.В.Канторовичем, - теории частично упорядоченных нормированных пространств, а позже - связям с общей теорией приближенных методов. Первый круг идей с различными вариациями возник независимо в трудах двух других крупнейших специалистов по функциональному анализу - М.Г.Крейна и С.Какутани. Первые работы Г.П., сразу выдвинувшие его в число авторитетов в этой области, были как раз посвящены применению идей теории частично упорядоченных нормированных пространств. Но очень скоро интересы Г.П. ушли далеко за пределы этой сравнительно узкой области и охватывали более или менее весь функциональный анализ, который он рассматривал как некоторое мировоззрение, скорее, чем конкретную теорию. Впрочем, интерес к частичному порядку он сохранял все время вплоть до последних лет, насколько я могу судить по последним его презентам.

Г.П. был одним из "диспетчеров" "большого семинара" по функциональному анализу, которым руководили Г.М.Фихтенгольц и Л.В.Канторович. Даже для постороннего наблюдателя, пришедшего на семинар, было очевидно, что маститые руководители и участники с особым вниманием прислушиваются к мнению и суждениям Г.П., относятся к нему с уважением и интересом. Его живость, смелость и независимость выделяли его на фоне излишне академической атмосферы семинара и тогдашней ленинградской математической жизни. Математические вкусы Г.П. сосредотачивались на принципиальных идеях и концепциях в большей степени, чем на технической и аппара-

ратной стороне математики. Поэтому он любил хорошо сформулированные общие принципы и старался их отыскивать в самой скромной математической работе, цenia их выше, чем конкретный факт. В этом — влияние на него функционально-аналитических концепций.

Особое место в рассказе о нем должен занять его собственный семинар ("семинар Акилова"), существовавший с середины 50-х до середины 60-х гг. Некоторое время я был активным его участником и мог наблюдать и сравнивать с другими семинарами. Неоспоримым было большое разнообразие тем, группировавшихся около функционального анализа в широком смысле. Алгебра, топология и т.д. также попадали в этот круг в последние годы. Участники семинара — молодые преподаватели, аспиранты, студенты. Выступали обычно с длинными (на много семинаров) обзорными докладами, разбирали книги, например тома трактата Н.Бурбаки (возможно, впервые в стране), не чурались делать доклады по классическим, давно известным работам. Каждый доклад превращался в долгое и неторопливое обсуждение с экскурсами, аналогиями, проводимыми в основном Г.П., иногда удивившими далеко в сторону; этот темп подчас приводил докладчиков, желавших рассказать хотя бы четверть намеченного, в уныние. Но девиз был один — понять что-либо новое, может быть, даже и неглавное. С одной стороны, в этой некоторой расплывчатости таилась опасность: в центре оказывался не результат, а его трактовка, понимание с какой-либо новой точки зрения. Часто оказывалось, что всплывшая идея или точка зрения была просто ранней или даже неверной, но при всем этом, с другой стороны, такой способ ведения семинара сообщал ему необходимый творческий характер: импровизации, рождение идей в процессе обсуждения — вещь чрезвычайно важная, особенно с педагогической точки зрения. Эта черта характерна для многих первоклассных семинаров, например семинара Гельфанда.

Может быть, в отсутствии нацеленности на получение новых фактов — объяснение того, почему у Г.П. не так много публикаций и сравнительно много учебных и постановочно-методических работ. Понимание он ставил выше продвижений. Он был по преимуществу мастером-педагогом. Его многолетняя работа над книгой совместно с Л.В.Канторовичем сделала этот труд каноническим в лите-

ратуре по функциональному анализу и наивысшим достижением ленинградской школы функционального анализа, по ней учатся многие поколения математиков. Кардинальная и непростая реформа преподавания математического анализа ("бунт против стариков"), начатая Г.П. в 60-х гг. совместно с В.П.Хавиным и Б.М.Макаровым, перевела уровень обучения на мат-мехе на новую ступень.

Г.П. принадлежит заслуга во-время увидеть важность новых теорий и нацелить на их изучение своих учеников. Это, во-первых, теория линейных топологических пространств, стимулировавшаяся теорией распределений Шварца и работами Бурбаки, Дьедонне и др. Глеб Павлович вместе с Д.А.Райковым стали ее пропагандистами и специалистами в ней. Правда, нужно сказать, что эта теория не оправдала возлагавшихся на нее многими надежд; в конце концов линейный функциональный анализ остался по преимуществу банаховым и в 60-х гг. обрел новое дыхание. Однако короткое развитие этой теории и ознакомление с ней расширяло кругозор и увеличило возможности функционального анализа. Своевременно обратил Г.П. внимание на теорию категорий, пучков и др.

Впервые я встретился с Глебом Павловичем на втором курсе, когда в кружке Г.М.Фихтенгольца по анализу делал доклад по выбранной мной и немодной тогда теме - теории эллиптических функций. Г.М. лишь давал темы, но на заседания кружка не ходил. Вел заседания Г.П., тогда и состоялась наша первая встреча. На следующий год я начал посещать его студенческий семинар и, помнится, делал доклад по книге С.Сакса "Теория интеграла" об интеграле Данжуа. После такой дозы абстракции я с большим энтузиазмом последовал совету Г.П. и сделал обзор по статье (книги еще не было) И.М.Гельфанда, Д.А.Райкова, Г.Е.Шилова "Коммутативные нормированные кольца", оказавшей на меня сильное впечатление. Я колебался в выборе кафедры: слушал спецкурсы по алгебре, ТФКП, участвовал в разных семинарах, и в конце концов мой выбор - функциональный анализ - был обусловлен, как я теперь понимаю, не столько предметом (я в дальнейшем менял их довольно часто), а личностями педагогов - Г.М.Фихтенголец, Л.В.Канторович и, конечно, Г.П., ставший моим первым руководителем. Моя первая печатная работа была совместной с Г.П. Это была часть диплома, несколько

расширенная за счет приложения, тема и идея которого были намечены Г.П.: о расширении операторов и новой трактовке распределений Шварца. Помню, что не очень частые обсуждения этих предметов с Г.П. были для меня интересными и стимулирующими. Позже, когда я закончил университет, Г.П. как-то заметил, что, по его мнению, наиболее перспективной областью функционального анализа (кроме теории линейных топологических пространств, которым собственно и был посвящен диплом) является глубокая и важная теория представлений, в Ленинграде никак не представленная и никому, включая и Г.П., фактически неизвестная. Я запомнил этот разговор.

Из житейских воспоминаний всплывают совместные катания на лыжах большой компанией, поездки на конференции (Москва, 1956; Одесса, 1958; Баку, 1960), простота общения с ним, откровенные и долгие разговоры обо всем. Для Г.П. в жизни было много интересного помимо математики. Он рассказывал, как ухаживать за автомобилем, учил тонкостям преферанса и, конечно, же свободно и с охотой обсуждал политические события, сообщения радиоголосов и др. Почему-то, когда в конце 60-х гг. я читал "В круге первом", Г.П. вспомнился мне в связи с замечательным персонажем, его тезкой - Глебом Нержиным, математиком. Говорят, что его прототип - это автор романа. Что-то общее между двумя Глебами, несомненно, есть.

Мне кажется, что Глеб Павлович обладал не столь уж частым набором человеческих качеств: смелостью, прямоотой, независимым умом, благородством. Это гарантировало ему множество друзей и еще больше недоброжелателей. Это же делало его Личностью.